

Тамара Лённгрен

ТОЛКОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В НЕПОДГОТОВЛЕННОЙ РЕЧИ
(на материале островных русских говоров старообрядцев)

1. Толкование значений слов в речи неразрывно связано с главными чертами языковой личности — языковым сознанием и самосознанием. Именно языковое самосознание рождает метаязык и метатексты (Никитина, 1993:8). Несмотря на особую значимость метаязыковых операций в речевой деятельности (Якобсон, 1977:162-3), структура народных дефиниций, выбор слов для толкования — это все еще неисследованная область языкового самосознания (Никитина, 1993:34).

Предлагаемое исследование посвящено изучению толкований значений слов в неподготовленной речи носителей говоров. При этом особое внимание уделяется различиям в толкованиях, обусловленным языковым самосознанием диалектоносителей, и выявляется, в какой степени содержание толкований зависит от оценки говорящим знаний слушающего участника коммуникативного акта.

2. Способы толкования значений слов в речи носителей говоров неоднократно привлекали внимание исследователей (Блинова, 1990; Демешкина 1990; Петрунина 1990; Ростова, 1982, 1983, 1990 и др.). Проблему толкования значений диалектологи пытаются рассматривать в разных аспектах и на разных уровнях. Так, например, указанные работы А. Н. Ростовской (1982, 1983) посвящены проблемам типологии толкований лексического значения слов. Автор выделяет два типа таких толкований носителями диалекта: 1) аналитический (от-

ражает денотативную и понятийную апелляцию языкового сознания и 2) релятивный (направлен на отражение в толковании лексического значения системных связей слова).

О. И. Блинова применяет изложенную методику А. Н. Ростов для описания способов выражения и толкования мотивационного значения (МЗ) слова, под которым подразумевает «значение и синтез значения мотивационной формы слова — семантических элементов звуковой оболочки слова, обусловленных его мотивированностью» (Блинова, 1990:99).

В указанной работе О. И. Блиновой рассматриваются различные способы толкования МЗ в речи носителей говоров, например эпидигматический способ, при котором в качестве слов-конкретизаторов привлекаются мотивирующие единицы (*Сеногной потому называют, что сено гниёт; Земляника — низко растёт от земли* др.); описательный способ для семантизации формантной части (Синявки — синие грибы; Мохнашки — ну, рукавицы, они мохнаты др.); описываются различия в использовании слов-конкретизаторов слов-идентификаторов (*Лесник — за лесом присматривает; Масло — они сверху словно маслом намазаны; Моложавник называ молодой лес; А дети-то у птиц зовутся: если галка, то галчата [у скворца — скворчата, у вороны — так воронята и др.]*) (Блинова, 1990:99-103).

Н. Г. Нестерова исследует соотношения мотивационного лексического значений слов на материале суффиксальных имен существительных говоров Среднего Приобья. Значение мотивирующей части МЗ определяется на основе отношений лексической мотивации (однокорневое слово). Семантика формантной части выявляется с учетом значения формантной части одноструктурных слов одной тематической группы (структурных мотиваторов). Кроме того, учитывается лексическое значение мотивированного слова.

контекст и показания языкового сознания носителей говоров. Например, мотивационная форма слова *ягодник* представляется как *ягод/ник* вследствие актуализации им мотивационных отношений со словом *ягода* (лексический мотиватор) и одноструктурными: *Брусничник, чернижник* (структурные мотиваторы), обозначающими названия мест, где растет брусника, черника: *Ягодник — где ягода растет; Брусничник — ну, ягода там растет, на кочках и так, гладкое место; Где много черники — чернижник* и т. д. (Иванцова, 1990:18-25).

Т. А. Демешкина исследует регулярные типы смысловых отношений мотивационно связанных слов, имеющих различную синтаксическую реализацию в рамках диалектных высказываний, равных по структуре простому предложению или синтаксическому целому, например: *Опёнки растут на пнях* — отношения пространственной смежности; *Маслята сверху коричневые, а сверху такие мокрые, соплистые, будто маслом помазали* — 'часть предмета — предмет'; *Я зимой выходила замуж. Зимником ехали мы километров двадцать пять до церкви* — временные отношения; *В свиарнике держали свиней* — локативные отношения; *Огуречница ходит за огурцами, ухаживает, поливает* — 'объект — субъект' и другие (Демешкина, 1990:168-72).

С. П. Петрунина анализирует формальные показатели пояснительного отношения в говорах Среднего Приобья и приходит к выводу, что эти говоры обладают собственной специфической системой линейных показателей пояснительного отношения, которая представлена как служебными, так и знаменательными словами в союзной функции: *или, иль, али, а, да, ли, ну, чай, значит, по-нашему, еще, опять* и др., например: *Сходка или сборня, его староста собирал народ; Ну, мочалка, али вехотка, — это маленькая судомочка; Особенно боись шатуна, да медведя такого.*

*Этот человека запросто сожрёт; Прививку нам сделали, укол э
кольнули от клещов; Чага, гриб чай, он и на лекарство, и на чай к
до сих пор завариват; Попиха, Рубчиха чай, вас ко мне направил
др. (Петрунина, 1990:173-81).*

3. Перечень исследований, в которых затрагиваются вопросы толкования лексического значения слова в речи носителей говоров, не ограничивается указанными работами, что может свидетельствовать как об актуальности проблемы, так и о сложности. Следует отметить, что именно в таких работах далее не последнее место уделяется изучению языковой личности информанта. Тем не менее вопросы, касающиеся исследования знаний носителей говоров, которыми они пользуются в процессе коммуникации, остаются наименее изученными. В таких работах внимание сосредоточено, в первую очередь, на примерах, где носители говоров сами что-либо объясняют исходя из того, что собирающий материал этого может не знать или спрашивает почему так называется? Но ведь исследуемый материал показывает, что диалектная речь насыщена и такими толкованиями, которые рассчитаны на незнающего. Вопрос: почему носители говоров толкуют значение в неподготовленной речи, без заданного вопроса пока еще не стал в центре внимания исследователей.

Постараемся по возможности ответить на этот вопрос, приняв ряд наблюдений на диалектном материале. Предлагаемое исследование выполнено в основном на материале, собранном мною в полевых условиях во время диалектологических экспедиций на территории Латгалии (юго-восточная часть Латвии) Житомирской области (Украина)¹. Записи производились исключ

¹В работе использовано несколько примеров из материалов, собранных в полевых условиях на Псковщине в экспедициях 1992-3 гг. профессором Университета

тельно за старообрядцами-федосеевцами. Говоры исследованных территорий генетически связаны, вторичные по характеру отношения с материнскими псковскими говорами и разделяют большинство черт, свойственных западным среднерусским акающим говорам Псковской группы.

4. Как известно, коммуникативный акт достигает успеха только в том случае, если слушающий понимает говорящего. Отсюда стремление говорящего создать такой текст, который был бы понятен слушающему. Установка говорящего на то, чтобы высказывание было понятным, особенно отчетливо проявляется в неподготовленной речи, когда говорящий, исходя из того, что слушающий имеет такие же знания о мире как и он сам, стремится создать максимально понятный текст при минимальных затратах средств.

Исследования диалектной речи, записанной в ситуации, когда носители говора общаются между собой или совершенно уверены, что «чужой говорит так же, как и они», дают возможность для некоторых наблюдений того, как говорящий, имея установку на понятность, использует совокупность знаний о мире, предполагая, что слушающий такие знания имеет.

4.1. Как носители говора оценивают и учитывают знания слушающего, особенно наглядно проявляется в диалектной речи, когда в роли слушающего выступает чужой человек.

Живя среди другой национальной общности и не зная точно, какой национальности «чужой» слушающий (русский или нерусский,

Осло Я. И. Бьёрнфлатеном. Эти примеры даны со специальной пометой: ПСК. Хочу отметить исключительную оригинальность и хорошее качество этих материалов и выразить искреннюю благодарность профессору Я. И. Бьёрнфлатену за предоставленную возможность пользоваться этими материалами.

наш или не наш?), информанты старались уточнить национальную принадлежность того, о ком шла речь: *Эта уже не наши, не латвийские, не русские салдаты пришли.² Аны наши писались, русские не латышские.*

Кроме того, старообрядцы различают «своих» и «не своих» латышей: *Курляндцы, латышы, аны чысты латышы, на чыстам латышском языке, а наши не то, штобы чысты латышы, латгалы* «Своими» латышами старообрядцы Латгалии считают носителей седних латгальских говоров верхнелатышского диалекта. Среди «своих» латышей выделяют латышей с винтовками: *Ой, сколько там айсергаф, латышоф с винтовкам!*

Следует подчеркнуть, что большинство старообрядцев владеет ни латышским литературным языком, ни его диалектами. Тем не менее, имея «на слуху» говоры курляндцев и латгальцев, они по-своему подтверждают мнение лингвистов (см., например Брейдак, 1969:3) о том, что, по сравнению с другими диалектами латышского языка и латышским литературным языком, латгальские говоры верхнелатышского диалекта имеют много специфических черт в фонетике, морфологии, лексике, фразеологии, синтаксисе.

Информанты объясняют разные понятия, связанные с историческими фактами их местности, например: *Ну как была паша Вульману — хутара, а при Николае уж палосица была. Паласаца паласацам сеяли. Эта палосица была.* Информант пытался объяснить, каким способом засеивалось поле при Ульмане и при Николае.

² В работе применяется упрощенный вариант транскрипции на базе орфографии (основные фонетические черты исследуемого говора отражаются орфографически). Такой вариант транскрипции считается одним из принятых в работах русской диалектной лексикологии, так как позволяет передать основные фонетические черты говора и не усложняет восприятие материала.

Самыми многочисленными в исследуемом материале оказались объяснения, касающиеся крестьянского быта, именно тех его реалий, которые носители говора осознают устаревшими: *Кáла шчы́та называ́ецца, как тагда́ па-стариннаму называ́ли, ляжа́начка, та́кая вот, што леч пагрéцца*. Информант объясняет, что такое лежаночка, используя при этом определение функционального назначения описываемой реалии. Речь идет о лавке, которая находится за печкой (за шчы́том). По такому же принципу объясняется и слово *пячу́рка*: *Пячу́рки, ну где ты кла́деш эта всё*. Здесь информант имеет в виду углубления в русской печи, которые используются для просушки мелких вещей.

В следующем примере информант объясняет, почему труба, соединяющая русскую печь (*пéчку*) и дополнительную печку (*шчы́т*) называется *карнява*³: *Эта карнява́я труба́ называ́ецца, патаму́ шта и пéчка, и шчы́т, нет, што́бы для анной пéчки, мо́жна там лажа́ць рукавы́ и пашо́л, и пашо́л...*

В другом примере информант объясняет, какая разница между скамейкой и лавкой: *Да́же скаме́йки та́мака называ́лися ла́фкай, што зна́чыт шыро́кая яна́ была́ и то́встая. Скаме́йки, като́рыи патано́ше, паменьше́, да́к эта́ уже́ скаме́йкай называ́лася*.

По-своему толкуют носители говоров этимологию слов: *Камяни́стки — ме́ста тако́е. Мо́жа там ка́мняв была́ мног, што камяни́стки называ́лися. Макаро́на самадяло́вая, раска́тывали та́мака, са́мы де́лали*. Здесь говорящий одновременно объясняет способ изготовления *самадяло́вай макаро́ны* — *раска́тывали та́мака* — и по-своему уточняет этимологию — *са́мы де́лали*.

Попутно можно заметить, что диалектоносители сами не всегда чувствуют принадлежность того или иного собственно диа-

³ *Карнява́я труба́* — это основная труба, соединяющая печь и печку (*шчы́т*), а потом уже от нее делают разные ответвления — *рукавы́*.

лектного слова только их языковому коллективу. Так, например в материалах ПСК встречаются объяснения разных процессов ткачества, приспособлений и т. д., т. е. всего того, чем интересовались слушатели (в данном случае собиратели материала): *сукáла* *такóе калесó* (ПСК), *матавiла* — *матаиш* (ПСК). В примере *скаварсник* — *бляны пяку* (ПСК) информант считает, что слушающие знают, что такое блины и как их пекут. Скорее всего, информант знает и литературное слово *сковорода*, но он прибегает к другому способу толкования — объяснению назначения, функции реалии. Рядом со словами, значения которых информанты толкуют «чужим» слушающим, они употребляют и собственно диалектные слова *жыхарь* и *жыхарёк* 'местный житель; старожил'. Но значения этих слов диалектоносители не толкуют, т. к. их языковое сознание не обособило эти слова в специальную категорию слов, принадлежащих только их языковому коллективу.

Здесь же можно указать на разницу в языковом сознании диалектоносителей-старообрядцев и нестарообрядцев. Сопоставление моих записей, сделанных исключительно за старообрядцами, и записей Я. И. Бьёрнфлатена, сделанных за православными (нестарообрядцами) показывает, что старообрядцы считают старый язык чистым языком, правильным, а нестарообрядцы считают, что городской, современный язык — это правильный язык, а их язык старый, плохой.

Ориентируясь на то, что слушатель не знает особенностей некоторых видов трудовой деятельности, информанты специально комментируют такие понятия, попутно подбирая более понятные, с их точки зрения, для слушающего слова: *Пресный слой такой, тотый слой, никогда не шчыпáим*. Здесь, как видим, у информанта возникло сомнение в том, что слушающий знает, какой сло

называется пресным, что из себя представляет такой слой коры и он уточняет, что пресный слой — это толстый слой.

Кроме того, объясняются и другие слова, которые информанты непроизвольно употребляют в речи, общаясь с «чужим» человеком. Но они осознают, что такое слово может быть непонятным для «чужого» слушающего и тут же объясняют это слово. Такие слова чаще всего употребляются носителями говора параллельно (собственно диалектное слово — общенародное) и информанты осознают, какое из этих слов нуждается в объяснении: *Так как все-ранно́ свешча́, свѣчка (свешча́ — свѣчка). Пало́ли с сястро́й прѣса, пшано́ эта (прѣса — пшано́).*

Много объяснений относится к сфере сельскохозяйственного труда. Сейчас в сельском хозяйстве используют косилки. Зная об этом, информант по-своему подчеркивает, что раньше приходилось косить вручную: *И каси́ть я каси́ла, касо́й. Приходи́лась всяка́ жить. И вручну́ю, рука́мы. Маши́ну палучи́ли, дак хлеб малати́ли.*

Информанты-старообрядцы ревностно относятся к сохранению своих обрядов и даже мысли не допускают о смешении (в представлении слушающего) их с православными. Поэтому много толкований в речи старообрядцев связано с уточнением разных сторон старообрядческих обрядов, традиций, обычаев: *Пе́ли погребѣ́нье, пе́сни таки́е. У нас до́лга отпыва́ют. (У православных погребальный обряд короче). Крести́ли по́льным пагруже́нием, бры́зганье мы не признаём. (У православных во время крещения только кропят водой).*

4.2. Общаясь между собой или имея полную уверенность, что «чужой говорит так же, как и они», носители говора употребляют тоже много поясняющих слов, но эти толкования имеют несколько иной характер.

Для того, чтобы передать мысли слушающему, говорящий кодирует их в слова и стремится к тому, чтобы слушающий декодировал правильно те слова, которые имеют несколько толкований. То есть говорящий старается обеспечить слушающему возможность для построения концептуальных представлений, способствующих получению правдоподобного вывода. Использование речи говорящего многозначных слов или слов с «размытой семантикой» представляет собой естественный толковый словарь, в котором левая часть — слово, нуждающееся в пояснении, а правая — актуализация нужного сценария, представляющего собой заранее заготовленную причинную (ассоциативную) цепочку.

Толкование слов происходит разными способами, например путем употребления толкующего слова, находящегося в род-видовых отношениях с толкуемым (род → вид): *Вот тут мы жили дьяржа́ли скот, каро́ф: скот → корова. Ой, ряб́яты, пабьяжа́ли Машина́ идёт. Эта на даро́гу, на бальша́к: дорога → большак. ра́ньше ши́ли (сарафан — Т. Л.) с лёну, с то́чь⁴: лен → точка. Во́с душ бы́ла, во́сем дете́й. Па пять штук в шко́лу хад́ила: души дети → штуки (род → вид → подвид).*

Иногда толкование представляет собой ассоциативную цепочку, начало которой — конкретное понятие, а завершение — абстрактное. Одну из таких цепочек — *флаги, конец войны, мир* мы видим в следующем примере: *Яму́ на́да бы́ла на фтару́ю ли́ни ити́, и фла́ги э́ти, кане́ц вайны́, мир.*

Построение таких цепочек в неподготовленной речи носителей говоров может начинаться как с наиболее употребительного слова, так и с «городского» слова. Так, например, объясняя, какого качества бывает молоко — *Быва́ет малако́ а*

⁴То́ча употребляется в говоре в значении 'простой узкий холст'.

рёткае, поснае, мала жиро́ф — информант употребляет сначала слово *рёткае* 'редкое'. Словосочетания *рёткае малако́* в исследуемых говорах употребляется в значении 'молоко, содержащее мало жиров'. Затем идет в объяснении слово *поснае* 'постное'. Определение *поснае* в этих говорах может употребляться для многих реалий: молоко, мясо, каша, глина, слой березовой коры и т. д. Оба эти слова — *рёткае, поснае* — воспринимаются информантами как слова, принадлежащие их говору, а не «городские». Но здесь, в толковании, появляется и определение *мала жиро́ф*, которое заимствовано диалектоносителями из речи сборщика молока: этот человек, забирая молоко, определяет процент жиров: низкий процент — *мала жиро́ф, малако́ поснае* (не жирное), *рёткае* (не густое).

Как было уже сказано, употребление некоторых толкований в речи носителей говоров может наблюдаться как в ситуации, когда в роли слушающего «чужой», так и когда слушающий «свой». Здесь мы можем говорить не только о собственно толковании, но и об утверждении говорящего в своей мысли. Подобные явления наблюдаются в следующих примерах: (1) *Мне воспалья́лася жо́лч, желдяво́й пузы́рь э́тат на́да бы́ла...* (2) *Все́ бо́льше сижу́ на зве́рабо́е, на тра́вы сижу́.*

Возможно, что в примере (1) *желдяво́й пузы́рь* может рассматриваться не как специальное толкование, а как стремление информанта избегать повторов. В примере (2) не столько толкуется значение слова *зве́рабо́й*, сколько уточняется его лечебное свойство (ср.: сидеть на таблетках, на порошках, на уколах и т. д.).

В следующем примере информант, скорее всего, тоже не уточняет значение, в котором реализуется поясняемое слово, а обосновывает свое утверждение: *Я шче пу́лькай быв, там мо́жа го́дика два бы́ла, я шче ничаво́ не сабража́л.*

Невозможно предположить, что здесь говорящий сомневается в том, что слушающий, «свой», правильно истолкует слово *пу́ль* потому что это слово известно в исследуемых говорах только в одном значении: 'маленький мальчик'. Несмотря на это, информант все-таки уточняет возраст *пу́льки*, но не с целью его толкования для того, чтобы прочнее обосновать свое утверждение о том, что *я шче ничаво́ не сабража́л*.

5. Исходя из того, что «Язык относится к числу наиболее характерных типов когнитивной деятельности человека» (Лакоф 1988:31), важно выяснить, какие особенности интеллекта носителей говора позволяют им осуществлять различные категоризации в естественном языке.

В области когнитивной науки о языке для описания процесса категоризации естественного языка используются модели четырех типов, один из которых, пропозициональные модели, представляется возможным применить и к описанию исследуемого диалектного материала. Как отмечается в указанной работе Дж. Лакоффа пропозициональные модели, форму которых имеет большая часть структуры знаний человека, вычленяют элементы, дают характеристики и указывают связи между ними. Так, модель определенной области опыта человека включает не только предметы, которые встречаются в этой области, но и разные их характеристики. Так например, пропозициональная модель нашего знания об огне включает и знание того факта, что огонь опасен (пример Дж. Лакоффа), а пропозициональная модель нашего знания об озере включает не только знание о том, что зимой озеро покрывается льдом, но и знание того факта, что ходить по такому озеру покрытому тонким льдом, опасно: можно провалиться в воду.

В речи носителей, говорюв часто делаются различные обобщения, в основе которых лежат знания, представленные в форме пропозициональных моделей. Употребление таких обобщений говорящим основывается на его уверенности в том, что знания и опыт слушающего эквивалентны его собственным. Рассмотрим несколько примеров: (1) *Тутака всякая зелёнь и воля. А там, как и горат, мног чаво ёстя. Ёстя деньги — так и накупляй.* (2) *Пакупили тамака новые польты, а эта куда йим? Как и в гораде, куда? Харошийи польты, а што...*

В приведенных высказываниях говорящий считается с тем, что слушающий имеет такие же представления о городе, как и он сам: (1) в городе жизнь не такая, как в деревне, где есть всякая зелень (овощи, фрукты) и воля (можно есть всего сколько угодно, вольно, свободно, не стесняя себя, и все это бесплатно). В городе тоже *мног чаво естя* (много кое-чего есть), но за все надо платить деньги, есть деньги — купишь, а нет, так ничего и не получишь. (2) В городе одеваются не так, как в деревне: купив новую одежду, в старой уже не ходят. Девать старую одежду в городе некуда: по двору, ухаживая за скотом, носить такую одежду не будешь, потому что ни двора, ни скота у горожан нет.

Употребляя обобщения типа *как и зимой, как и летом* и т. п., говорящий считается с тем, что слушающий знает разные особенности деятельности человека, состояния погоды и т. д. в указанные времена года: *Знаешь, как и зимой, патягай те цэберы.* — Зимой полные ведра носить очень трудно. *Как и зимой, карофке падал, абёт сварил — дня нет.* — Зимой день короткий. *То дажди́на, то замаразак, знаешь, как и весной.* — Весной погода переменчивая.

Обобщения такого типа характерны для текстов, содержащих различные характеристики поведения представителей разных возрастных групп: детей, подростков, стариков: *Ну как и дети,*

то́чна аны́ ня зна́ют (почему магазин закрыт — Т. Л.), накле́й гаваря́т. Дети — не взрослые, они не могли выяснить причину почему закрыт магазин. И ребя́ты придут, ну как и де́ти, гаварти́ха, а я сижú и пла́чу. — У детей голос слабый, не такой, как взрослых. Там яво́ный мапе́т стайит. Дак он байца, што мо́ ребята, зна́ешь, как и ребята, мо́гут тама́ка патро́гать. — Ребя́ подростки, часто берут без разрешения чужие мопеды, велосипе́ и т. д. Ей пада́ркаф накупля́ли, де́нег надава́ли, ня зна́ет, што де́лать, как и ребёнок. — Ребенок в подобной ситуации чаще всего теряет́ся. Ну там от, как и стари́ки, то сядут пагре́юцца, то ля́ там пагре́юцца... — Старики всегда любят быть в тепле. А я паду́маю, как э́та ста́рые бы́ли. Аны́ такие, зна́ешь, как и стари́ничаво́ ня ви́дели харо́шева — Жизнь старшего поколения бы́ тяжелой, безрадостной. Аны́ такие багабая́знены́е, зна́ешь, как стари́на.

6. Таким образом, мы рассмотрели ряд случаев толкования значений слов в неподготовленной речи диалектоносителей в разных ситуациях и увидели, что содержание толкований обусловлено тем, насколько говорящий уверен в адекватности знания слушающего. Если диалектоноситель уверен, что слушающий принадлежит к другому языковому коллективу, то он пытается объяснять простые понятия, которые, на его взгляд, могут быть неизвестны чужому человеку. Зачастую такие толкования наивны, на самом деле не вносят предполагаемой ясности, например, объяснения *каси́ли касо́й* слушающий может сделать правдоподобный вывод — косили вручную, техники не было — только в том случае, если он знает, что теперь косят косилкой, т. е. труд механизирован и т. д.

Предложенный способ рассмотрения толкования значений слов в речи носителей говоров позволяет идти не от слова к тексту, а от текста через языковое сознание носителя говора к реализации слова в тексте в актуальном значении. Таким образом можно идти к пониманию значения слова через многогранную призму знаний носителей говоров, приближаясь тем самым к познанию разносторонних потенциалов языковой личности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блинова, О. И., 1990, Способы выражения и толкования мотивационного значения. *Русские старожильческие говоры Сибири*, Томск.
- Брейдак, А., 1969, *Диалектная лексика латгальских говоров верхнелатышского диалекта и ее исторические связи*. АКД, Рига.
- Демешкина, Т. А., 1990, Синтаксическая реализация типов смысловых отношений мотивационно связанных слов. *Русские старожильческие говоры Сибири*, Томск.
- Никитина, С. Е., 1993, *Устная народная культура и языковое сознание*, Москва.
- Петрунина, С. П., 1990, Формальные показатели пояснительного отношения в диалекте (на материале говоров Среднего Приобья). *Русские старожильческие говоры Сибири*, Томск.
- Ростова, А. Н., 1982, *Толкование значений слов информантами как лингвистический источник: на материале говоров Верхнекетского района, Томской области*. Рукопись, деп. в ИНИОН АН СССР № 11005-82 от 05.08.82, Москва.
- 1983, *Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования*. АДК, Томск.
- 1990, Способы и средства характеристики эмоционально-экспрессивной окраски слов в метаязыке носителей диалекта. *Русские старожильческие говоры Сибири*, Томск.
- Яacobсон, Р. О., 1977, К языковедческой проблематике сознательного и бессознательного. *Бессознательное. Том 3: Природа, функции, методы исследования*, Москва.